

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АКТРИСЕ

НА ТОНКОЙ СТРУНЕ

А актер на гастролях достаточно уязвим. Его достоинства и заслуги часто неведомы. Его прожитое, внутренне накопленное — за чертой, переступая которую он предстает, словно шкатулка с сюрпризом. Что в ней?.. С незнакомым зрителем самого себя приходится доказывать с начала.

Валентину Федоровну Зуховицкую — заслуженную артистку РСФСР, актрису Читинского облдрамтеатра, новосибирцы видели около десяти лет назад во время гастролей в нашем городе. Вероятно, кто-то ее помнит. Я, признаюсь, — нет. Правда, театр в тот период был иной, по мнению вполне объективному, значительно хуже. И актриса, игравшая на его подмостках, тоже была иной. «Мы неотделимы от уровня своего театра», — говорит Зуховицкая, и в ее словах отнюдь не легкое для творческого человека признание.

Ныне читинский театр стал для Новосибирска заметным явлением. Зуховицкая — одной из лучших его актрис.

Мы воспринимаем ее со сцены, не вдаваясь в события ее прошлой жизни, когда она однажды уже уезжала из Читы подавленной, разувешившейся, а потом возвращалась, когда боролась за творческое кредо театра, когда вновь обрела веру и вдохновение. Мы вправе не задумываться над этим. Но возможно ли в полной мере понять суть ролей, не поняв сути человека в роли?

Самый неоднозначный персонаж Зуховицкой — Иогиня в пьесе С. Злотникова «Триптих для двоих». Кто она — слабая женщина, пытающаяся почти в буквальном смысле слова «пересидеть» свою судьбу, с помощью гимнастики йогов уйти от своей несложившейся действительности? Да, кажется, слабая, но...

лишь кажется. За внешней статичностью и отрешенностью — внутренняя сила. Почему мы часто считаем, что сила непременно активна и наступательна? Она порой и в том, чтобы «закатать» себя, сплотив зубы, остановиться, признать себя побежденным.

Отчего называю этот персонаж неоднозначным? Оттого, что на разный взгляд игра Зуховицкой вызывает совершенно противоположные оценки. Когда впервые увидела спектакль, я, откровенно говоря, актрису не восприняла. Ее Иогиня показалась мне нелогичной — не в смысле правдивости ситуации, а в смысле показа этой правдивости. И лишь позже, познакомившись с Валентиной Федоровной, поняла: Зуховицкая создавала образ, идя не от театрального профессионализма, а от своего жизненного опыта. Будучи челове-

ком сильным, но не бросаю в этой силе, она сделала такой и Иогиню.

Предвижу возражение: чему тут удивляться, актер часто приносит в роль нечто «от себя». Однако уточним: в неодинаковой мере. Когда Валентина Федоровна играла в свое время в «Варшавской мелодии», ее Гелена была она сама. «Помню после премьеры аплодисменты, цветы, раз десять выходила на поклон. Потом за кулисами чей-то голос: «Что же вы на сцену режиссера не пригласили?». Так неловко стало, но я, поверите, ничего не соображала: перед глазами расплывается, в голове шум, а в ушах все еще звучит песня «Черная шаль», которую пела по-польски, до сих пор не забылась. Хотите, спою?». И спела. И погрузилась. Увы, каждой роли — свои годы.

Но вот другой персонаж — Раиса Захаровна, «полюбовница Васи» из пьесы В. Гуркина «Любовь и голуби». Расхожий тип «светской львицы» превратился в трактовке читинцев в инфантильное, несчастное и незащищенное существо. Есть здесь нечто от актрисы? Наверно, есть, но едва уловимое. «Как Славутский на репетициях меня ругал! Слезами изошла».

Амплуа отрицает. Эту мысль повторяют довольно часто. Однако согласитесь: мы больше говорим о «смерти» амплуа, нежели так и есть на самом деле. Героиня, трагедистка, инжениер... Они существуют, и, пытаясь соединить все это в одной актрисе, режиссеры отнюдь не всегда одерживают победу. Зуховицкая играла королей, купчих, забытых крестьянок, современных женщин. Она умеет носить роскошные туалеты и бедняцкие платья. Она — универсальна. Но универсальность ее не только в том, что сегодня Зуховицкая — экстравагантная Раиса Захаровна, а завтра — крестьянка Марья из «Любови Яровой». Ее универсальность — в присутствии почти всегда и везде чувства меры, в умении перевоплощаться гибко, ровно настолько, насколько требует роль.

Да, она, вероятно, может сыграть все. Вернее, почти все, ибо хорошо представляю ее и в роли абсолютной добродетели, и в роли абсолютного зла. Но есть в ней внутренняя культура, интеллигентность — качество, которое актриса вряд ли способна подавить даже тогда, когда этого нужно по роли.

Валентина Федоровна предстала перед новосибирским зрителем в пору «второго дыхания». Такое дыхание, как известно, не открывается без причин. У Зуховицкой эта причина — главный режиссер

А. Я. Славутский. «С ним не просто работать, у него свое видение, и по отношению к нему Александр Яковлевич крайне требователен. Но я готова играть эпизодические роли с ним, нежели с кем-то другим ведущим».

Признание Зуховицкой — не реверанс «главному». В театре помнят, как несколько лет назад Валентина Федоровна честно и открыто критиковала бывшего главного режиссера, как написала в читинскую областную газету статью, вызвавшую большой резонанс. Так что в лести ее не обвинишь.

На многих спектаклях читинцев рождается ассоциация, что действия разворачиваются как бы на туго натянутой струне. Шаг в сторону — и срыв. Высокая точность передачи своеобразного замысла, утонченность, лиричность игры требуют определенных по внутреннему настрою, творческому почерку актеров. Актёров, совпадающих с данным режиссером.

У Александра Яковлевича таких немало — Камышев, Романов, Кнестиков, Войтулевич, Аббясов и другие... Все так, но разве из этого перечня вычеркнешь имя Зуховицкой?..

Талант есть талант. Можно не знать о богатом театральном прошлом Валентины Федоровны, о том, что она, например, играла Марию Стюарт, Электру, Диану из «Собаки на сене», но мы видим ее на сцене сейчас, и этого вполне достаточно. Да, актер на гастролях достаточно уязвим, но у него есть преимущество — его воспринимаешь без предвзятости и оговорок. Таким, как он есть.

И. ЛЕВИТ.

НА СНИМКЕ: заслуженная артистка РСФСР В. Ф. Зуховицкая.

Фото Г. Чичулина.